

Коллективная память и конфигурация общественного информационного пространства в эпоху массмедиа*

Дж.Э. Бараиш

Пикардийский университет имени Жюль Верна, Амьен, Франция

Аннотация

Статья посвящена исследованию коллективной памяти и общественного информационного пространства в современную эпоху. XXI век характеризуется развитием процессов глобализации в мировом масштабе, доминированием цифровых технологий, обеспечивающих высокую скорость и общедоступность распространения информации. Данные изменения привели к существенной трансформации средств массовой информации и социальной коммуникации: телевидения, прессы, интернета, социальных сетей, других форм массового взаимодействия, образующих общественное информационное пространство. Сфера общественного во всех своих многообразных проявлениях превышает уровень опыта и воспоминаний отдельных людей и малых групп. В этом контексте опыт и непосредственные воспоминания обретают значение фактора коммуникации, поскольку они преобразуются в символы. Посредством сочетания символической функции опыта и памяти распространяемая информация пронизывает среду повседневной жизни, где происходят непосредственные взаимодействия между индивидами и коллективами. Автор фиксирует формирование феномена, который он называет «горизонтом современности», предполагающим множество точек зрения представителей групп, относящихся в первую очередь к сфере повседневного взаимодействия; при этом сложившиеся символические сети, составляющие групповую идентичность, самым непосредственным образом ориентируют способы совместного бытия и образуют контекст, на фоне которого осуществляется взаимодействие индивидов и коллективов.

* Публикуемая русская версия статьи представляет собой перевод с французского оригинала, предоставленного автором. Ранее была опубликована сокращенная английская версия статьи: Collective Memory and the Transformations of Political Myth in the Era of the Mass Media // Acta Scientiarum: Human & Social Sciences. 2021, Vol. 43. No. 3, P. 1–8.

Современные средства вещания преобразуют информацию, согласно запросам массового пользователя, а также задаче коммерческой эффективности продукта, политическим проектам правящей элиты. В настоящее время средства массовой информации обладают колоссальным могуществом, обретая способность моделировать виртуальную картину событий, которую потребители информационных услуг принимают за реальный мир, не замечая подлога. Автор приходит к выводу о том, что создаваемая массмедиа видимость благополучия содержит угрозу деформации как горизонтов современности, так и исторической памяти. Перед человечеством стоит задача противостоять этой опасности посредством сохранения глубинных символов мировой культуры.

Ключевые слова: историческая память, интерпретация символов памяти, конфигурация общественного информационного пространства, горизонт современности, СМИ, манипулирование общественным мнением, Козеллек, Хабермас.

Бараш Джеффри Эндрю – доктор хабитат (*habilitation à diriger des recherches*) философии, почетный профессор философского факультета Пикардийского университета имени Жюль Верна.

jabarash@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0002-3677-6383>

Перевод с французского:

Мачульская Ольга Игоревна – научный сотрудник сектора современной западной философии Института философии РАН.

hermeneutique.academie@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9040-0160>

Для цитирования: *Бараш Дж.Э.* Коллективная память и конфигурация общественного информационного пространства в эпоху массмедиа / пер. О.И. Мачульской // *Философские науки*. 2022. Т. 65. № 4. С. 27–52. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-4-27-52

Collective Memory and Configuration of the Public Information Space in the Era of Mass Media*

* The published Russian version of the article is a translation of the French original manuscript provided by the author. An unabridged English version of the article, titled “Collective Memory and the Transformations of Political Myth in the Era of the Mass Media,” has been previously published in *Acta Scientiarum: Human & Social Sciences* (2021. Vol. 43, no. 3, pp. 1–8).

J.A. Barash

Jules Verne University of Picardy, Amiens, France

Abstract

The article explores collective memory and the public information space in the modern era. The 21st century is characterized by the development of globalization processes on a global scale and the dominance of digital technologies, which ensure the high speed and accessibility of information dissemination. These changes have led to a significant transformation in mass media and social communication, encompassing television, the press, the Internet, social networks, and other forms of mass interaction that shape the public information space. The social sphere, in all its diverse manifestations, transcends the experience and memories of individuals and small groups. In this context, experience and immediate memories gain significance as communication factors when they are transformed into symbols. Combining the symbolic functions of experience and memory, disseminated information permeates the environment of everyday life, where direct interactions between individuals and collectives occur. The author identifies the formation of a phenomenon that can be termed the “horizon of modernity.” This concept suggests that a variety of perspectives from groups primarily engaged in everyday interactions shape symbolic networks that guide communal behavior and form a context against which direct interactions take place. Modern broadcasting media transform information to meet the demands of mass users and achieve commercial efficiency and political objectives set by the ruling elite. Currently, mass media wield enormous power, gaining the ability to simulate a virtual representation of events that consumers often mistake for reality, thereby overlooking the deception. The author concludes that the illusion of well-being created by mass media poses a risk of distorting both the horizons of modernity and historical memory. Humanity faces the challenge of countering this danger by preserving the deep symbols of world culture.

Keywords: interpretation of memory symbols, configuration of public information space, horizon of modernity, mass media, manipulation of public opinion, Koselleck, Habermas.

Jeffrey Andrew Barash – Dr.Hab. (habilitation à diriger des recherches), Professor Emeritus, Jules Verne University of Picardy.

jabarash@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0002-3677-6383>

Translated from French into Russian by:

Oлга I. Machulskaya – Research Fellow, Department of Modern Western Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

hermeneutique.academie@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9040-0160>

For citation: Barash J.A. (2022) Collective Memory and Configuration of the Public Information Space in the Era of Mass Media (O.I. Machulskaya, Trans.). *Russian Journal of Philosophical Sciences* = *Filosofskie nauki*. Vol. 65, no. 4, pp. 27–52. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-4-27-52

Введение

Общественное информационное пространство формируется под воздействием системы организации опыта и памяти больших социальных групп, определяющей их ожидания в отношении будущего. Сфера общественного информационного пространства в его разнообразных проявлениях в рамках современных массовых сообществ претерпела на протяжении последних полутора веков ряд фундаментальных изменений. Сопоставление нынешней организации общественного информационного пространства с организацией, типичной для прошлого, в частности периода, предшествующего Второй мировой войне, показывает, в какой степени эти изменения соответствуют метаморфозам средств массовой информации, образующих основной источник общественной коммуникации: журналистики, телевизионных репортажей, интернета, социальных сетей и других разновидностей цифровых технологий, сопровождающих этот процесс развития. Став привычными и общедоступными, они создают общественное информационное пространство в его современной форме.

Далее я представлю анализ трансформации способов организации общественного информационного пространства, заострив внимание на том, каким образом СМИ формируют его конфигурацию. Я придерживаюсь точки зрения, согласно которой роль СМИ в непосредственном представлении текущих событий и срочных новостей не ограничивается выбором, реконструкцией и распространением известий о событиях, а заключается в том, чтобы придать информации общественную значимость, интегрировать ее в обширное поле опыта и памяти социальной группы. Именно на этом уровне трансформации способов мас-

совой коммуникации происходят соответствующие изменения в формировании общественного информационного пространства. Я рассмотрю данный процесс, влияющий на межлическую коммуникацию в планетарном масштабе, и поставлю под сомнение фундаментальную значимость трансформации общественного информационного пространства для социально-политической ориентации массовых сообществ в современном мире. Прежде чем приступить к размышлению над данной темой, необходимо начать с уточнения значений понятий, которые мы используем в ходе нашего исследования. Их можно сконцентрировать вокруг двух вопросов. Что мы понимаем под терминами «коллективный опыт» и «коллективная память»? Каким образом СМИ структурируют их в рамках современного общества?

1. Коллективная память, символическое интегрирование, горизонт современности

Память, если ориентироваться на изначальное значение данного понятия, является неотъемлемым свойством сознания личности. По сути, сами по себе группы не существуют автономно, без составляющих их конкретных индивидов, и не могут быть носителями памяти в собственном смысле слова. Память формируется на основе личного опыта человека, объектами которого являются люди и вещи, ситуации и события, с которыми субъект соприкасается на изначальном уровне, при непосредственных контактах «во плоти и крови». Таким образом, без прямых контактов от человека к человеку, на групповом уровне, опыт передается лишь опосредованно. На подобного рода интерпретацию меня вдохновила теория феноменологии, в частности концепция Эдмунда Гуссерля, исследовавшего исходные опыт и память «во плоти» в данном живом настоящем (*leibhafte Erfahrung in einer jeweiligen lebendigen Gegenwart*) [Husserl 1973, 278; Held 1966]. Согласно феноменологии, при определении значения этих понятий речь идет не столько о восприятии людей и вещей как изолированных объектов, сколько о непосредственной встрече на горизонте окружающего мира. В процессе спонтанного наблюдения взгляд субъекта, улавливая первый план рассматриваемого предмета, автоматически дорисовывает задний план, мгновенно воспроизводя полную картину объекта и сопровождающего его контекста, даже если наблюдающий не придает этому особого

значения. Если задний план находится в поле непосредственного внимания, не попадая при этом в зону прямого созерцания, в особых случаях его пассивное присутствие можно воспроизвести, обращаясь к памяти.

Присваивая воспоминаниям о событиях «во плоти и крови» статус «подлинности», мы не настаиваем на том, что непосредственные воспоминания могут каким-то образом воспроизвести «реальность» того, что произошло, как если бы было возможным полностью воссоздать события, обращаясь к перспективе восприятия отдельного наблюдающего. Напротив, непосредственное воспоминание о событиях предполагает обращение к точке зрения отдельного индивида или группы, позиция которых, как мы понимаем, допускает умышленные или непреднамеренные упущения, искажения или измышления. Неслучайно для установления подлинности свидетельства важное значение имеет возможность сравнить его с другими свидетельствами, поскольку непосредственное воспоминание связано с пространственно-временной и концептуальной логикой событий. Придавая статус *достоверности* воспоминаниям, проистекающим из опыта «во плоти и крови», отметим лишь то, что они существенно *отличаются* от любых воспоминаний, возникающих опосредованно и *предполагающих* взаимодействие с исходным источником достоверного опыта и непосредственного воспоминания очевидцев. Поэтому, несмотря на слабость свидетельских показаний, они играют уникальную роль и являются неустраняемыми как в судебной системе, так и в журналистских репортажах, историографии.

Для большинства наших современников опыт и воспоминания, формирующиеся в результате непосредственного участия, редко имеют в качестве объекта действия и события, значимые для *общества* в целом; в официальных процессах и встречах, как правило, допускают присутствие ограниченного круга действующих лиц и свидетелей, имеющих возможность участвовать в событиях непосредственным образом. Если членам сообщества удастся приобщиться к передаваемым посредством слов, образов и жестов воспоминаниям общественной значимости, то эти воспоминания преимущественно опосредованы.

Сфера общественного в своих многообразных проявлениях превышает уровень опыта и воспоминаний отдельных людей и малых групп, она формирует и обеспечивает единство обшир-

ного пространства массовой коммуникации и межличностных отношений. В этом контексте опыт и непосредственные воспоминания обретают значение фактора коммуникации, поскольку они преобразуются в символы. Как я полагаю, эта интеграция в форме символов не является второстепенным элементом опыта, приходящего задним числом; наоборот, именно символы позволяют интегрировать опыт на фундаментальном пространственно-временном и концептуальном уровне¹. Благодаря символическому освоению окружающего нас мира пространственно-временной и концептуальный порядок сферы общественного бытия знаком нам до того, как мы начинаем его анализировать: например, обычай снимать головной убор в церкви в знак уважения, способность спонтанно отличать открытый для публичных посещений парк от частного владения, предполагать время работы городских рынков в зависимости от места их расположения. Жанровые особенности различных видов музыки, звучащей в магазинах, аэропортах, церквях, предоставляют множество символических пространственно-временных характеристик, позволяющих нам ориентироваться в повседневной деятельности. Посредством сочетания символической функции опыта и памяти распространяемая массмедиа информация пронизывает среду повседневной жизни, где происходят непосредственные взаимодействия между индивидами и малыми группами. Тем не менее относительно разрозненные коллективно поддерживаемые символические конфигурации остаются «фрагментарными», поскольку их содержание определяют интерпретации со стороны различных социальных групп. Эти символические конфигурации постоянно

¹ Об интерпретации коллективной памяти с позиции концепции символической включенности см.: [Barash 2016]. На данную интерпретацию значительное влияние оказала теория символов, которую разрабатывал Э. Кассирер. Мною заимствована из этой теории не столько концепция «символической формы», изложенная в его трехтомном труде «Философия символических форм», сколько идея «основополагающих форм синтеза» (*Urformen der Synthesis*) – пространства, времени и количества, структуру которых образуют символы [Cassirer 1994, 17]. Тема интерпретации символов отражена и в работах Н. Гудмана. С его точки зрения символы выполняют задачу, которую он очень точно определяет как «функция созидания мира» (*world-making function*) [Goodman 1981, 130]. Рассуждая о понятии символа, на первой же странице своей книги «Способы созидания мира», посвященной концепции интерпретации символов, он ссылается на теорию Э. Кассирера [Goodman 1987, 1].

подвергаются коллективной переработке и постепенно стираются из памяти после ухода из жизни поколений непосредственных носителей воспоминаний и перемещения следов их существования в сферу истории.

Если речь идет о сфере общественного, присущей большому сообществу, в котором функционируют СМИ, мой анализ фиксирует все более выраженное преобладание социальной, политической и экономической структур, преодолевающих традиционные локальные и общинные образования. Эти структуры сформировались на протяжении полутора веков вследствие революционных процессов: сначала индустриальной революции, затем – технической и информационной, а также ввиду быстрого роста мобильности населения и производства, что сопровождалось массовой миграцией в направлении урбанизированных центров, интеграцией рынка и финансов в глобальном масштабе. В то время как изолированные группы, семьи и малые сообщества имеют схожие типы опыта, отражающегося в личных воспоминаниях и памяти поколений людей, живущих в отношениях непосредственной близости, крупные сообщества поглощают различные группы, в которых индивиды ведут разобщенный и изолированный образ жизни. Отношения людей в массовом обществе приобретают анонимный характер, отличающийся от взаимосвязей индивидов в небольших и однородных социальных группах. В этом смысле разрозненность коллективного мировоззрения в массовом обществе принимает беспрецедентные масштабы. Их сосуществование в совместном настоящем можно охарактеризовать с помощью понятия, которое назовем общим «горизонтом современности». В данном аспекте мировоззрение различных социальных групп основано на символических системах, которые иногда пересекаются, например, если члены групп говорят на одном языке. Однако гораздо чаще они различаются с позиции отношения к традициям, религиозным верованиям, диалектам, социальным практикам и т.п., образуя сети коллективной памяти, определяющие опыт и специфические ожидания групп. Как бы ни были схожи между собой члены семей, локальных объединений или малых сообществ², публичная сфера, даже в относительно одно-

² Плесснер употребляет соответствующее выражение «сфера близости в сообществе» (*sphäre gemeinschaftlicher Vertrautheit*) [Plessner 1924, 55–56; Gerhardt 2012, 202–207].

родных массовых обществах, отличается подвижностью, изменчивостью личных и социальных форм бытия, подверженностью внешним влияниям. В итоге современные общества не только преодолели пределы традиционных форм жизни, но и претерпели радикальные изменения способов сосуществования в глобальном мире. В связи с такой трансформацией, оказавшей влияние на формирование современного массового общества и возникшего на его основе общественного пространства, образуется феномен, который я называю «горизонтом современности». Он включает в себя множество точек зрения представителей групп, относящихся в первую очередь к сфере повседневного взаимодействия. При этом сложившиеся символические сети, составляющие групповую идентичность, самым непосредственным образом ориентируют способы совместного бытия и создают контекст, на фоне которого осуществляется непосредственное взаимодействие индивидов и малых групп. Итак, в наше время мир повседневной жизни, первичный мир, лежащий в основании банальных предубеждений относительно социально-политической реальности, укоренен в символических сетях, развернутых в одном и том же горизонте современности, поле которого является общим для различных социальных групп. Эти символические сети отнюдь не являются неизменными или застывшими. Они укореняются в многочисленных временных слоях, развиваются в результате смены поколений и в процессе соприкосновения с инородной средой под влиянием иных взглядов на реальность.

Именно в контексте современных массовых обществ СМИ придают публичному пространству его нынешнюю форму. Привлекая внимание общественности к тому, что обычно остается недоступным непосредственному видению, СМИ выполняют намного большую роль, чем роль простого репортажа. Их задача заключается в том, чтобы придавать текущим событиям и актуальным проблемам общественное значение, зафиксированное в памяти в глобальных масштабах. Благодаря этой способности посредством печатных текстов или визуальных образов придавать статус общественной значимости событиям, непосредственными свидетелями которых может быть лишь незначительное количество участников, СМИ берут на себя миссию «рефлексии»³:

³ Приведу пояснение Н. Лумана: «Функция средств массовой информации заключается... в ориентировании на рассмотрение себя в составе

т.е. массмедиа обеспечивают не только распространение информации, но и, основываясь на имеющейся информации, решают задачу рефлексии по вопросу о статусе публичного пространства.

Помимо коллективного мировоззрения конкретного сообщества и присущего ему общественного информационного поля, средства массовой коммуникации все больше и больше охватывают чужеродные символические сети, которые в большинстве случаев недоступны пониманию со стороны тех, кому предназначены репортажи, распространяемые массмедиа. В подобных условиях доступность общественной информации зависит от репортажей, интерпретирующих и адаптирующих данные, которые без этой опосредующей работы в значительной мере остались бы непонятыми. Таким образом, СМИ обеспечивают прозрачность, открытость сложных сфер, где пересекаются зоны локальных групп, более крупных сообществ и глобального целого. Содействуя открытости информационных потоков на всех уровнях, массмедиа управляют процессом отбора, организации и интерпретации информации, преобразуют ее в соответствии с определенными пространственно-временными и логическими структурами, типичными для каждого из уровней. Эти структуры не являются простым воспроизведением пространственно-временного и логического порядка, действующего в повседневном мире непосредственного общения; скорее, они обусловлены закономерностями автономной символической интеграции, характерной для массовой коммуникации и пространства общественной информации в сфере коллективного мировоззрения определенной эпохи с ее специфическими особенностями. Пространственно-временная и логическая структура, свойственная массовой коммуникации, отнюдь не остается неизменной и неизменной, она подвержена значительной трансформации, обусловленной техническими возможностями СМИ в процессе распространения данных.

2. Массмедиа, лента последних новостей и конфигурация общественного пространства

В XIX веке появились многотиражные ежедневные газеты, сочетающие письменный текст и изображения. В XX веке пришли радио и массовое воспроизведение видеоизображений посредством кинематографии и видеопродукции. Затем были созданы

социальной системы... рассмотрении, которое само порождает условия собственной возможности...» [Luhmann 2004, 173].

компьютеры с экранами высокого разрешения, смартфоны и планшеты. СМИ получили уникальную возможность воспроизводить слова и образы со все более высокой точностью и постоянно возрастающей скоростью. Достижения в сфере информационных технологий позволили непрерывно совершенствовать способность *искусственно воспроизводить* опыт повседневной жизни и мгновенно распространять информацию в масштабах планеты. В результате этой способности к непосредственному воссозданию все более совершенной картины текущих событий жизни, т.е. «во плоти и крови», массмедиа задаются целью создать модель *виртуальной реальности* в мире. В соответствии с этой амбициозной задачей именно репортажи обеспечивают формирование всеобъемлющей модели коммуникации, посредством которой СМИ делают доступными для широкой общественности новости о процессах и событиях в мире и играют важнейшую роль в структурировании общественного информационного пространства⁴. Сосредоточившись прежде всего на освещении текущих событий, СМИ придают информации пространственно-временной и концептуальный форматы, характерные для используемых ими способов коммуникации.

При передаче информации посредством изображений и слов в видео или цифровом формате в этом акте реконструкции событий осуществляется их многообразная трансформация, что имеет особое значение для нашего анализа. Во-первых, информация сжимается и адаптируется для ограниченного пространства монитора. Во-вторых, она в обязательном порядке подстраивается под хронометраж последовательности быстрой смены репортажей. При этом информация в основном ориентирована на условные обобщенные интересы большинства зрителей, что часто вынуждает говорить об обезличенном характере вещания [Luhmann 2004, 11; Bourdieu 1996, 54–55]. И, хотя программное обеспечение

⁴ Н. Луман раскрывает тройственную функцию СМИ с помощью слов «новости» (*Nachrichten*), «реклама» (*Werbung*) и «развлечения» (*Unterhaltung*). Он уточняет в этой связи: «Любой более точный анализ и, в особенности, эмпирическое исследование нужно начинать с рассмотрения сферы информационных услуг и репортажей, деятельность которых позволяет самым непосредственным образом освещать реальные события, что одновременно воспринимается признается обществом в качестве их функции» [Luhmann 2004, 120, 141]. Об анализе прагматической функции СМИ см.: [Guter 2002, 144].

интерактивных социальных сетей нового типа предполагает определенные возможности личного участия пользователей в коммуникации, тем не менее контакты опосредуются интерфейсом, с помощью которого искусственно моделируется присутствие «во плоти и крови», и лишь такие формы участия внедряются для распространения среди массовой аудитории. В-третьих, подбор информации обычно зависит от ее актуальности в сфере новейших событий, от ее статуса *breaking news* («экстренных новостей»): следовательно, информация подлежит постоянному обновлению, при котором текущие сведения заменяются новейшими. В-четвертых, как в печатных, так и в телевизионных выпусках новостей, различные фрагменты информации, как правило, располагаются произвольно. Даже если они распределены по разделам или хронологически, разные темы (экономика, спорт, прогноз погоды или хроника актуальных событий) чаще всего распределяются и размещаются случайным образом. Подобный формат массовой коммуникации является типичным для таких устройств, как телевизор, планшет, смартфон, на экранах которых гипермедийные программы komponуют изображения и текст⁵. Как и новостные репортажи, реклама, развлекательные телепередачи сообщения о последних спортивных результатах привлекают внимание зрителей ко всему новому и более совершенному.

Степень открытости представлений, хранящихся в общественной памяти, зависит от порядка, определяемого форматом массовых коммуникаций. Речь идет о символическом порядке не потому, что он проявляется в форме знака или наставления, а из-за пространственно-временной и логической структуры, разворачивающейся в процессе операций концентрации, смещения и переформатирования информации, позволяющих, если можно так выразиться, сразить публику наповал, захватывая ее внимание с помощью движущихся изображений и текстов, сообщающих последние новости. Практикуемый в массмедиа способ распространения информации приводит к перемещению сферы деятельности СМИ из области современности опыта и непосредственных повседневных воспоминаний в т.н. поле актуальности. В поле актуальности СМИ преобразуют информацию соответственно пространственно-временной и логической структуре,

⁵ Подробнее о понятии «гипермедиа́ция» (*hypermédiation*) см.: [Bolter 2000, 53].

эффективной для ее массового распространения. Сокращенный, концентрированный и переформатированный способ изложения информации в поле актуальных новостей создает разрыв между методом представления событий и горизонтом современности, укорененном в мире повседневной жизни как исходной сфере опыта и памяти.

Если мы устанавливаем различие между «горизонтом современности» и «полем актуальности», нам следует с самого начала избегать возможного недоразумения. Понятие «поле актуальности» обозначает конституирующийся пространственно-временной и концептуальный форматы массовой коммуникации, а словосочетание «горизонт современности» отражает исключительно сферу опыта сообщества и коллективной памяти, в пространстве которой образуется поле актуальности. Эти понятия необходимо отличать от категорий собственно исторического характера, соответствующих существенно иному типу временного опыта. С моей точки зрения, «горизонт современности» определяется продолжительностью жизни нескольких поколений, взаимодействующих в определенную историческую эпоху, а «поле актуальности» строго ограничивается мимолетным моментом времени, на протяжении которого новости, представленные СМИ, остаются актуальными. Исходя из этого, можно было бы трактовать оба понятия времени в значении феномена, который Райнхарт Козеллек квалифицировал как «пространство опыта» (*Erfahrungsraum*). Однако в его концепции исследуемые понятия соответствуют разновидностям группового опыта, который он отделяет от категорий исторического. С точки зрения Козеллека, современная концепция исторического опыта восходит к XVIII–XIX векам, когда история впервые истолкована в качестве автономного процесса, имеющего источники развития в себе самом. Козеллек интерпретирует историю в «пространстве опыта» как целостный процесс, а значит, он представляет ее, исходя из ожиданий будущего, реализующихся в сфере сформировавшегося «горизонта ожиданий» (*Erwartungshorizont*) [Koselleck 1979, 349–375]. Поскольку темой моего исследования является анализ коллективного опыта и коллективной памяти в публичном измерении, я рассматриваю не столько целостную картину категорий исторического времени, сколько проблему взаимодействия множества фрагментарных временных перспектив в массовом обществе.

Более того, если ограничиться областью совместного опыта и коллективной памяти в публичном пространстве, то данное различие между конфигурациями, созданными СМИ в поле актуальности и горизонтом современности мира жизни не следует интерпретировать так, как если бы представленные в этом формате видеоизображения и письменные тексты находились в каком-либо ином измерении. Наоборот, несомненное и непосредственное влияние событий, интерпретируемых массмедиа, на мир повседневной жизни демонстрирует их колоссальную способность улавливать резонанс в сети символов, интегрированных в сфере горизонта современности существующей группы. Таким образом, виртуальная репрезентация событий, сохраняемая коллективной памятью, может иметь гораздо большее значение, чем то, что обычно происходит день за днем в жизненном мире (*Lebenswelt*).

Возникающий между виртуальным представлением и миром повседневной жизни разрыв позволяет выявить существенный аспект нашего общественного бытия, на который редко обращают внимание. В действительности невероятное могущество, демонстрируемое СМИ, обладающими способностью все более и более успешно моделировать виртуальную картину событий, воспринимаемых нами как реальный мир, проявляется прежде всего в том, что СМИ удастся *скрыть подлог* и заставить общественность забыть о факте моделирования. Создаваемая массмедиа видимость благополучия чаще всего заставляет нас игнорировать пространственно-временную структуру и логику реконфигурации, к которым прибегают в процессе распространения информации.

Итак, постепенно переходим к рассмотрению основного вопроса о том, в чем заключаются последствия организуемого СМИ искусственного моделирования реальности, не адекватного миру повседневной жизни. Жизненный мир ориентируется под воздействием переплетения сложных сетей укоренившихся символов, привнесенных разными поколениями, жизни которых пересекаются в пространстве общего горизонта современности. При этом передаваемая в формате массмедиа информация преобразуется в серию стихийно подобранных изображений и слов, представленных посредством интерфейсов на экране. В формате массмедиа предпочтение отдается актуальным новостям и уделяется крайне мало внимания глубокому содержательному анализу

событий. СМИ стремятся упростить изложение происходящего, нивелировать нюансы обширной перспективы разнообразных фрагментарных точек зрения. В результате формат репортажей оказывается в зависимости от потока внешних факторов, влияющих на выбор и систематизацию представляемой информации. С политической точки зрения, если СМИ преобразуют информацию и передают ее в сжатом, транспонированном и деконтекстуализированном формате, то это открывает путь к упрощению существующего в реальности многообразия мировоззрений в публичном пространстве, и в таком случае позиция доминирующей группы и ее элиты беспрепятственно монополизирует сферу массовой информации в обществе. С другой стороны, коммерческие факторы превращают количество просмотров в решающее условие для определения успешности программы. Повсеместная оценка рейтинга вещания играет роль не только при отборе развлекательных передач, но и репортажей новостей [Postman, Powers 2008, 78–79; Bourdieu 1996, 78]. К тому же коммерческие интересы все больше и больше доминируют в области информационной стратегии интернета, хотя об этой тенденции предпочитают не говорить открыто. Получается, что формат вещания адаптируют, согласно требованию обеспечения массовости просмотров, игнорируя задачу сохранения качества и достоверности репортажей. По этой причине может произойти не просто ослабление, но и искажение рефлексивной миссии СМИ, призванных пробуждать сознание масс и находить отклик в коллективной памяти.

Эти критические замечания не преследуют цель преуменьшить важность обстоятельного репортажа и компетентного информирования общественности квалифицированными журналистами, способными анализировать события, которые без их освещения в СМИ остались бы в тени. Не может быть и речи о том, чтобы поставить под сомнение фундаментальную роль свободной прессы, которая сегодня все чаще оспаривается. Предпринимаемые журналистами эффективные исследования событий помогают прояснить сложную картину столкновения различных точек зрения, усугубляющего кризисы, конфликты или иные напряженные ситуации. Тем не менее мы констатируем тенденцию резкого упадка роли печатных СМИ и даже традиционных телевизионных репортажей. Указанный процесс вызван

ростом альтернативных форм распространения информации, преобладающих в социальных сетях. Данное явление подробно описал в своей книге Юрген Хабермас: «В условиях либерального общества... появление миллионов... чатов, распространенных по всему миру, и социальных групп (коллективов пользователей, объединяющихся вокруг конкретных вопросов), образующих сеть в общемировом масштабе, скорее способствует раздробленности общественности, даже если участники обсуждают аналогичные вопросы в общем политическом пространстве. Эта аудитория распадается в виртуальном пространстве на огромное количество разрозненных групп, формирующихся случайным образом и удерживающих своих членов вместе благодаря совпадению специфических интересов. Таким образом, создается впечатление, что существующие социальные и национальные сообщества неуклонно деградируют» [Habermas 2008, 162].

Сокращение традиционных репортажей в СМИ, отвечающих за сбор данных из достоверных источников, происходит в мировом масштабе. Печатные СМИ и телевидение все чаще используют для распространения репортажей собственные веб-сайты, а прибыль от рекламы падает по сравнению с предыдущими десятилетиями. Между тем социальные сети начинают играть возрастающую роль в распространении информации, а традиционные СМИ все больше зависят от распространения своих материалов на *Facebook*, *YouTube*, *Google*, других платформах, функционирующих главным образом за счет получения постоянно растущей прибыли от рекламы. Поскольку социальные сети не несут ответственности за содержание того, что распространяется на сайтах, их деятельность не преследует цель проведения аналитической журналистской работы⁶.

Ослабление роли телевизионных новостных программ, в особенности печатной прессы, ведет к девальвации миссии журналистики по проведению объективных расследований, представляющих противостоящие друг другу позиции с целью проверки достоверности фактов, чтобы пролить свет на ситуации, которые различные политические силы пытаются замалчивать, преследуя собственные корыстные интересы. Там, где происходит осла-

⁶ Анализ, посвященный проблеме взлета влияния социальных сетей в современную эпоху и последствия этого процесса, см.: [Нувёнен 2018, 121–132].

бление роли журналистских расследований, информирование общественности все сильнее попадает под давление внешних сил и выходит из-под контроля независимой критики. В подобной ситуации дискредитируется сама цель репортажей, направленных на восстановление сложной картины разнообразных точек зрения на фрагментированном символическом горизонте, что приводит к обесцениванию статуса фактической истины. В этих обстоятельствах любой репортаж можно равнодушно объявить «фейковыми новостями» в публичном пространстве, если во имя политических целей отводится место для вымысла фиктивных событий, называемых «альтернативными фактами» (*alternative facts*)⁷.

Фундаментальная важность этих рассуждений заключается в том, что вырванные из контекста, анонимно сконструированные и непрерывно изменяющиеся схемы медиаформата начинают доминировать над *контекстуальной* логикой, присущей опыту и памяти в мире обыденной жизни, что позволяет ориентироваться в нем и осознавать его реальность. Получается, что усиление тенденции преобладания искусственно сконструированного опыта сводит к минимуму роль пространственно-временных отношений и контекстуальной логики в качестве источников знаний о мире и обретения жизненного опыта. Однако именно контекстуальная логика дает возможность идентифицировать многочисленные аспекты источника коллективной памяти, состоящего из разрозненных фрагментов, сохраняемых в пространстве определенными пересекающимися во времени разнообразными социальными группами, точки зрения которых запечатлеваются в глубоких слоях символических сетей. Именно на контекстуальной логике базируется историография, опираясь на принципы критического подхода, и выявляет неоднородность интерпретаций, чтобы затем согласованно реконструировать действия и события прошлого, исходя из возможности сосуществования различных порядков объяснения, из которых проистекают свидетельства очевидцев

⁷ В данном случае, разумеется, мы имеем в виду известное высказывание члена команды Дональда Трампа Келлиан Конвей. Она, реагируя на заявление пресс-секретаря Белого дома Шона Спайсера о количестве людей, присутствовавших на инаугурации Трампа, содержавшего очевидное искажение, сослалась на т.н. «альтернативные факты» (*alternative facts*).

происходящего. Кроме того, данные принципы способны повлиять на журналистские расследования, вдохновляя на коррекцию неконтролируемых предубеждений, под влияние которых позволяет попасть медиапространство. В таком контексте Хабермас отстаивает жизненно важную роль для демократии принципа независимости СМИ от коммерческого и политического давления, что должно стимулировать явление, которое он называет «рефлексирующим общественным мнением», основывающимся на разнообразии точек зрения и способным выполнять задачу обсуждения. Этот идеал представляется мне особенно значимым, даже несмотря на то, что, по признанию Хабермаса, речь идет о «довольно амбициозном ожидании» [Habermas 2008, 167]. Однако неудивительно, что возрастающее преобладание фрагментированных и деконтекстуализированных представлений, которым отдано предпочтение в формате ведущих СМИ, ведет ко все более очевидному ослаблению в современных массовых обществах власти над реальностью общественного мира.

3. Непрозрачность общественного пространства и смысл коллективной памяти

В современной ситуации, характеризующейся значительным преобладанием формата массовой коммуникации, публичное пространство, выстраивающееся в соответствии с этим форматом, отдаляется от критериев повседневного опыта и памяти, присущих общему жизненному миру. Жизненный мир, в свою очередь, отдаляется от сложных и фрагментированных перспектив, проистекающих из глубинных слоев символических сетей, которые, придавая единство этому миру, образуют ткань его реальности. В этом случае, пожалуй, неудивительным представляется усиление роли ощутимых последствий общественно значимых действий и событий, оставивших след в его глубинных слоях. Вот почему возрастает потребность в расширении комплекса архивов, памятников, музеев, памятных мероприятий, посредством которых обозначены материальные следы с целью переписать историю событий соответственно контекстуальной глубине горизонта современности. Эти следы представляют собой конкретные символические источники, способствующие укреплению хрупких связей между опытом отдельных лиц,

малых групп и публичной сферой политической деятельности, утратившей прозрачность.

В последнее время мы все чаще слышим критические голоса, направленные против того, что называют «злоупотреблением памятью» или «избыточной памятью». Одно из наиболее обоснованных критических замечаний было сформулировано Чарльзом С. Майером в 1993 году, в период открытия в Вашингтоне Мемориального музея Холокоста. Распространение подобных музеев, как он писал, является признаком важных изменений концепции общественного пространства, означающих, что традиционная идея великих проектов, содействующих благу всех граждан, преобразована согласно воле одной из пострадавших групп для того, чтобы умиротворить чувства членов этой группы, признав, что они были жертвами. Для придания большей убедительности своей критике автор обратился к рассуждению Ницше, высказанному более века назад во второй части «Несвоевременных размышлений». В частности, философ подчеркивает опасность чрезмерной озабоченности прошлым, демонстрирующей неспособность освободиться от его давления. Следовательно, согласно Майеру, несмотря на беспрецедентную чудовищность Холокоста, чрезмерная приверженность памяти о прошлом, выражающаяся в распространении музеев, посвященных трагическим событиям, содержит угрозу пагубных последствий при реализации позитивных общественных проектов в будущем [Maier 1993, 136–152].

После публикации статьи Майера были и иного рода критические выступления о проблеме поминовения. Так, Цветан Тодоров усмотрел в этом намерение определенных групп занять положение жертвы с целью преобразовать свои жалобы в новую форму привилегий для одной из социальных групп по отношению к другим. Критика традиции поминовения также является одной из тем размышлений Поля Рикёра в его книге «Память, история, забвение» и других работах того периода [Todorov 1995; Ricœur 2000, 97–111]⁸.

Возможно, преувеличенная озабоченность трагическими событиями прошлого в сочетании с синдромом, который Ницше квалифицировал как травмированная память, мешают нам полноценно жить в настоящем и строить проекты, устремленные в будущее. Однако, как отмечает Рикёр относительно Холокоста и иных форм

⁸ Анализу данной проблемы посвящена моя статья [Barash 2017].

геноцида, массовых убийств, произошедших в Камбодже или Руанде, способность отвернуться от реальности этих событий подкрепляет тот факт, что они происходили в контексте, который для большинства из нас представляется далеким от окружающей действительности, формирующей наш опыт и коллективные воспоминания [Ricoeur 2000, 223]. Осознавая эту угрозу, негативизм стремится посеять сомнения. Подобного рода призывы постоянно звучат и распространяются во Всемирной паутине и социальных сетях. Речь идет не только о попытке отрицания трагедии Холокоста и других прецедентов геноцида, массовых убийств, но и о противоположной политике преднамеренного непризнания, в частности, геноцида армян или камбоджийцев, резни в Сребренице в Боснии⁹.

Именно потому, что в сфере массовой коммуникации со свойствами ей специфическими узкими временными рамками, ограничивающимися настоящим и недавним прошлым, представление наиболее драматических событий происходит в русле их деконтекстуализации, проявляется актуальность задачи их реконтекстуализации. Поскольку коллективная память в строгом смысле этого слова, как мы видели, присуща социальным группам, хранящим воспоминания о событиях в общем поле современности, работу, выполняемую музеями, архивами и библиотеками, можно охарактеризовать как «коллективную память» лишь в фигуральном смысле. Однако, если контекст прошлого, обрамляющий память об экстремальных ситуациях, и рассеивается после исчезновения выживших и очевидцев, он не исчезает бесследно. Наоборот, контекст прошлого не прекращает усиленно поддерживать, пусть и неявно, символические истоки мировоззрения современных социальных групп. Бесполезно отворачиваться от прошлого, заново изобретать его в соответствии с требованиями искусства, как этого желал Ницше, или преобразовывать его в деконтекстуализированном формате. В недрах прошлого, изолированного от воспоминаний живущих поколений, останутся символические сети, образующие основание мировоззрения

⁹ Помимо Франции, Германия, Австрия, Бельгия, Чешская Республика и другие европейские страны приняли законы, подобные закону Гейсса, запрещающие публичное отрицание Холокоста. Вопросу об отрицании различных форм геноцида посвящено немало работ. Подробнее об этом см.: [Vidal-Naquet 1995; Novannisian 2003; Beachler 2009, 214–238; Biserko 2012].

социальных групп, в глубине которого до сих пор таятся эпизоды, вызывающие смущение и подавленность, не прекращающие преследовать настоящее¹⁰.

После открытия в 1993 году в Вашингтоне Мемориального музея Холокоста количество музеев, возведенных в память о преследованиях, убийствах и геноциде в XX веке, продолжает расти в мире. Помимо Яд Вашем в Иерусалиме и Музея Холокоста в Вашингтоне в последние десятилетия были созданы и другие музеи, посвященные массовому насилию. Наиболее известные среди них открыты в Лос-Анджелесе, Нью-Йорке, Монтгомери, Алабаме, Париже, Берлине, Будапеште, Буэнос-Айресе, Кигали (Руанда), Пномпене (Камбоджа), Сантьяго (Чили). Предполагалось, что общепризнанная цель этих музеев – сохранить память о насилии среди широкой общественности. При этом чаще всего на практике их миссия выходит далеко за рамки работы по репрезентации, архивированию, документированию и распространению знаний. В большинстве случаев речь шла о попытке с помощью изображений и фильмов, музыки и визуальных комментариев вовлечь посетителей в опыт переживания событий, пробудить у них чувство сострадания посредством того, что называют «искусственной памятью»¹¹. Тем не менее с учетом того, что влияние коллективной памяти групп становится ограниченным в период, когда очертания и нюансы поддерживающих ее символических сетей начинают рассеиваться, возникают обоснованные сомнения в эффективности такой попытки. Прежде всего следует задуматься над тем, не приведет ли намерение «пробудить чувство сострадания» [Landsberg 2004, 24] у современных посетителей к иллюзорному и самоуверенному представлению о том, что они проникли в глубинные слои прошлого, которое ушло безвозвратно.

Если мемориальные музеи сосредоточены на демонстрации жертв насилия и стремятся через формирование опыта страданий пробудить у посетителей в современных условиях чувство сострадания, возникает вопрос о том, не рискуем ли мы создать впечатление искусственности произошедшего в ситуации разрыва между контекстами состоявшихся более полувека назад

¹⁰ Проблема прошлого, «преследующего» настоящее, посвящен убедительный анализ, проведенный Э. Кляйнбергом [Kleinberg 2017].

¹¹ По данному вопросу см.: [Landsberg 2004, 111–140].

событий ушедшего прошлого и современности. И в этом случае освоение сферы непосредственных «воспоминаний» об опыте жертв у не критически настроенного ума может вызвать эффект, подобный воздействию фильмов ужаса. И, напротив, у скептически ориентированного посетителя оно способно спровоцировать недоверие к представляемой экспозиции, подозрение в тесной зависимости тематики музея от установки определенной социальной группировки и преследуемых ею политических целей. Чтобы не допустить этой опасности, руководители Вашингтонского музея, в частности, выражая свое намерение избежать подлога в любой форме, подчеркивают, что экспозиция музея аутентична, строго соответствует достоверным фактам и создана на основе реальных предметов и изображений, подлинность которых подтверждена. Они также отмечают, что если тема Холокоста в 1933–1945 годах становится центральной в экспозиции музея, то это не приводит к устранению из библиотеки и архивов музея или из его педагогической деятельности материалов, относящихся к иным формам геноцида и насилия, таких как жестокое обращение с африканскими рабами, истребление армян в Турции в 1915 году или геноцид в Камбодже в 70-е годы XX века [Weinberg 1993, xv].

Намерение детально изучить эту проблему в отношении того или иного из упомянутых музеев¹² выходит за рамки нашего обсуждения. В данном случае важным является следующее утверждение: поскольку подобные институты функционируют в сфере публичного взаимодействия, где преобладает присущий СМИ формат деконтекстуализации, приверженность памяти к ушедшему миру и жертвам прошлого следует поддерживать посредством реконтекстуализации. Несмотря на то, что проведение глубокого исторического исследования не относится к числу непосредственных задач музеев, качество представляемой

¹² Дом Террора – музей, открытый в Будапеште в 2002 году по инициативе В. Орбана и политической партии Фидеш. Экспозиция посвящена как нацистской оккупации во время Второй мировой войны, так и коммунистическому послевоенному периоду. Музей часто критикуют за преуменьшения масштабов участия Венгрии в истреблении еврейского населения в период Второй мировой войны и за очень политизированное преувеличение преступлений коммунизма. Эта критика относится и к общей направленности экспозиции, преследующей цель в большей мере вызывать чувства, нежели стремиться к воссозданию подлинной картины событий эпохи. См. по данной теме: [Sodaro 2018, 78–83].

экспозиции в значительной мере зависит от ее способности поднимать вопросы и вдохновлять на исследования об увиденном за пределами деятельности музеев. В лучшем случае привлечение архивных документов и изображений с намерением восстановить связь событий демонстрирует наличие значительной близости с работой по реконтекстуализации, осуществляемой в ходе репортажей на основе журналистских исследований и исторических изысканий. Если целью этой деятельности служит сохранение воспоминаний о безвозвратно ушедшем прошлом, то результат следует сбалансировать с учетом многообразия точек зрения группы, что всегда осложняет восстановление контекста.

В конечном счете общественное пространство, единство которого зависит от свободного взаимодействия мировоззрений всех членов группы, не может распространяться, не избегая искажений и рефлексии, охватывающей множество точек зрения, основывающихся на реконтекстуализации в глубинах осязаемых следов прошлого, определивших то, что является общественно значимым в настоящем. Согласно логике данного рассуждения, настоящее уходит корнями в глубины прошлого, которое даже если им пренебрегают, забывают о нем, отказываются от него, сохраняет важнейшую актуальность при интерпретации конкретной реальности существующего мира. Это позволяет проектировать действие в настоящем с учетом перспективы неопределенного будущего.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Barash 2016 – *Barash J.A.* Collective Memory and the Historical Past. – Chicago: University of Chicago Press, 2016.

Barash 2017 – *Barash J.A.* On the Many Ways of Saying Memory // History and Theory. 2017. Vol. 56. No. 2. P. 318–330.

Beachler 2009 – *Beachler D.* Arguing about Cambodia: Genocide and Political Interest // Holocaust and Genocide Studies. 2009. Vol. 23. No. 2. P. 214–238.

Biserko 2012 – *Biserko S.* The Srebrenica Genocide: Serbia in Denial // Pakistan Horizon. 2012. Vol. 65. No. 3. P. 1–6.

Bolter 2000 – *Bolter J.D.* Remediation: Understanding New Media. – Cambridge, MA: MIT Press, 2000.

Bourdieu 1996 – *Bourdieu P.* Sur la télévision, suivi de l’emprise du journalisme. – Paris: Raisons d’Agir, 1996.

Cassirer 1994 – *Cassirer E.* Philosophie der symbolischen Formen. Vol. 3. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1994.

Gerhardt 2012 – *Gerhardt V.* Öffentlichkeit. Die politische Form des Bewusstseins. – Munich: Beck, 2012.

Goodman 1981 – *Goodman N.* Routes of Reference // *Critical Inquiry*. 1981. Vol. 8. No. 1. P. 121–132.

Goodman 1987 – *Goodman N.* Ways of World-Making. – Indianapolis, IN: Hackett, 1987.

Guter 2002 – *Guter E.* Anti-Mimesis Live // *Television: Aesthetic Reflections* (New Studies in Aesthetics. Vol. 35). – New York: Peter Lang, 2002. P. 139–160.

Habermas 2008 – *Habermas J.* Hat die Demokratie noch eine epistemische Dimension? Empirische Forschung und normative Theorie // *Habermas J.* Ach, Europa. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2008. P. 138–191.

Held 1966 – *Held K.* Lebendige Gegenwart. Die Frage nach der Seinsweise des transzendentalen Ich bei Edmund Husserl, entwickelt am Leitfaden der Zeitproblematik. – Den Haag: Martinus Nijhoff, 1966.

Hovannisian 2003 – *Hovannisian R.G.* Looking Backward, Moving Forward: Confronting the Armenian Genocide. – Piscataway, NJ: Transaction Publishers, 2003.

Husserl 1973 – *Husserl E.* Zur Phänomenologie der Intersubjektivität // *Husserl E.* Texte aus dem Nachlass. Zweiter Teil. 1921–1928 (Husserliana. Vol. 14). – Den Haag: M. Nijhoff, 1973.

Hyvönen 2018 – *Hyvönen M.* As a Matter of Fact: Journalism and Scholarship in a Post-truth Era // *Post-Truth, Fake News, Viral Modernity and Higher Education* / ed. by M.A. Peters, S. Rider, M. Hyvönen, T. Besley. – Singapore: Springer, 2018. P. 121–132.

Kleinberg 2017 – *Kleinberg E.* Haunting History: For a Deconstructive Approach to the Past. – Stanford, CA: Stanford University Press, 2017.

Koselleck 1979 – *Koselleck R.* Vergangene Zukunft: Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1979.

Landsberg 2004 – *Landsberg A.* Prosthetic Memory: The Transformation of American Remembrance in the Age of Mass Culture. – New York: Columbia University Press, 2004.

Luhmann 2004 – *Luhmann N.* Die Realität der Massenmedien. – Wiesbaden: Vs Verlag, 2004.

Maier 1993 – *Maier C.S.* A Surfeit of Memory? Reflections on History, Melancholy and Denial // *History and Memory*. 1993. Vol. 5. No. 2. P. 136–152.

Plessner 1924 – *Plessner H.* Grenzen der Gemeinschaft. Eine Kritik des sozialen Radikalismus // *Plessner H.* Gesammelte Schriften. Vol. 5. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1981,

Postman, Powers 2008 – *Postman N., Powers S. How to Watch TV News.* – Londres: Penguin, 2008.

Ricœur 2000 – *Ricœur P. La mémoire, l'histoire, l'oubli.* – Paris: Seuil, 2000.

Sodaro 2018 – *Sodaro A. Exhibiting Atrocity, Memorial Museums and the Politics of Past Violence.* – New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 2018.

Todorov 1995 – *Todorov T. Les abus de la mémoire.* – Paris: Arléa, 1995.

Vidal-Naquet 1995 – *Vidal-Naquet P. Les assassins de la mémoire.* – Paris: Seuil, 1995.

Weinberg 1993 – *Weinberg J. Introduction // Berenbaum M. The World Must Know: The History of the Holocaust as Told in the United States Holocaust Memorial Museum.* – Boston: Little, Brown and Company, 1993.

REFERENCES

Barash J.A. (2016) *Collective Memory and the Historical Past.* Chicago: University of Chicago Press.

Barash J.A. (2017) On the Many Ways of Saying Memory. *History and Theory.* Vol. 56, no. 2, pp. 318–330.

Beachler D. (2009) Arguing about Cambodia: Genocide and Political Interest. *Holocaust and Genocide Studies.* Vol. 23, no. 2, pp. 214–238.

Biserko S. (2012) The Srebrenica Genocide: Serbia in Denial. *Pakistan Horizon.* Vol. 65, no. 3, pp. 1–6.

Bolter J.D. (2000) *Remediation: Understanding New Media.* Cambridge, MA: MIT Press.

Bourdieu P. (1996) *Sur la télévision, suivi de l'emprise du journalisme.* Paris: Raisons d'Agir (in French).

Cassirer E. (1994) *Philosophie der symbolischen Formen* (Vol. 3). Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft (in German).

Gerhardt V. (2012) *Öffentlichkeit. Die politische Form des Bewusstseins.* Munich: Beck (in German).

Goodman N. (1981) Routes of Reference. *Critical Inquiry.* Vol. 8, no. 1, pp. 121–132.

Goodman N. (1987) *Ways of World-Making.* Indianapolis, IN: Hackett.

Guter E. (2002) Anti-Mimesis Live. In: Lorand R. (Ed.) *Television: Aesthetic Reflections* (pp. 139–160). New York: Peter Lang.

Habermas J. (2008) Hat die Demokratie noch eine epistemische Dimension? Empirische Forschung und normative Theorie. In: Habermas J. *Ach, Europa* (pp. 138–191). Frankfurt am Main: Suhrkamp (in German).

Held K. (1966) *Lebendige Gegenwart. Die Frage nach der Seinsweise des transzendentalen Ich bei Edmund Husserl, entwickelt am Leitfaden der Zeitproblematik*. Den Haag: Martinus Nijhoff (in German).

Hovannisian R.G. (2003) *Looking Backward, Moving Forward: Confronting the Armenian Genocide*. Piscataway, NJ: Transaction Publishers.

Husserl E. (1973) Zur Phänomenologie der Intersubjektivität. In: Husserl E. *Husserliana. Vol. 14: Texte aus dem Nachlass. Zweiter Teil: 1921–1928*. Den Haag: M. Nijhoff (in German).

Hyvönen M. (2018) As a Matter of Fact: Journalism and Scholarship in a Post-truth Era. In: Peters M.A., Rider S, Hyvönen M., & Besley T. (Eds.) *Post-Truth, Fake News, Viral Modernity and Higher Education* (pp. 121–132). Singapore: Springer.

Kleinberg E. (2017) *Haunting History: For a Deconstructive Approach to the Past*. Stanford, CA: Stanford University Press.

Koselleck R. (1979) *Vergangene Zukunft: Zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. Frankfurt am Main: Suhrkamp (in German).

Landsberg A. (2004) *Prosthetic Memory: The Transformation of American Remembrance in the Age of Mass Culture*. New York: Columbia University Press.

Luhmann N. (2004) *Die Realität der Massenmedien*. Wiesbaden: Vs Verlag (in German).

Maier C.S. (1993) A Surfeit of Memory? Reflections on History, Melancholy and Denial. *History and Memory*. Vol. 5, no. 2, pp. 136–152.

Plessner H. (1981) Grenzen der Gemeinschaft. Eine Kritik des sozialen Radikalismus (1924). In: Plessner H. *Gesammelte Schriften* (Vol. 5). Frankfurt am Main: Suhrkamp (in German).

Postman N., & Powers S. (2008). *How to Watch TV News*. London: Penguin.

Ricœur P. (2000) *La mémoire, l'histoire, l'oubli*. Paris: Seuil (in French).

Sodaro A. (2018) *Exhibiting Atrocity, Memorial Museums and the Politics of Past Violence*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.

Todorov T. (1995) *Les abus de la mémoire*. Paris: Arléa (in French).

Vidal-Naquet P. (1995) *Les assassins de la mémoire*. Paris: Seuil (in French).

Weinberg J. (1993) Introduction. In: Berenbaum M. *The World Must Know: The History of the Holocaust as Told in the United States Holocaust Memorial Museum*. Boston: Little, Brown and Company.